

ЗАЛА 18

ШКАФЪ 212

ПОЛКА 5

№ 93.

СТИХИ

ДЪВИЦЫ

ОНИСИМОВОЙ,

СЛЪПОЙ ДОЧЕРИ ДЕРЕВЕНСКАГО
ПОНОМАРЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1858.

С Т И Х И

БѢДНОЙ ДѢВИЦЫ,

СЛѢПОЙ ДОЧЕРИ ДЕРЕВЕНСКАГО

ПОНОМАРЯ,

сообщенныя въ Императорскую Россійскую
Академію, и отъ ней изданныя.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1838.

ИЗВЕЩАНИЕ

О ПЕЧАТАНІИ

ПОСТАНОВЛЕНІИ

ПОНОМАРЯ

Печатано по определению Императорской Российской Академіи 8 Января 1838.

Непремѣнный Секретарь *Лыжковъ.*

САНАКТУАРИАТЪ

1838

Г. Президентъ Императорской Российской Академіи получилъ отъ Г. Министра Внутреннихъ дѣлъ слѣдующее письмо отъ 2 Января сего 1838 года.

Милостивый Государь

Александръ Семеновичъ.

»Состоящій въ должности Рязанскаго Гражданскаго Губернатора, представляя мнѣ стихи, сочиненные дочерью пономаря, дѣвицею Онисимовою, донесъ, что она проживаетъ Спасскаго уѣзда въ селѣ Дехтяномѣ; лишившись зрѣнія отъ оспы, на пятомъ году отъ рожденія, никакого образованія не получила, и имѣетъ нынѣ отъ роду 29 лѣтъ. Съ самаго дѣтства она съ большою охотою слушала читанныя ей проповѣди, старинныя повѣсти и сказки, а въ истекшемъ году, вновь поступившій въ то селеніе священникъ, замѣтивъ необыкновенную ея память и любовь къ чтенію, началъ прочитывать ей лучшія и новѣйшія сочиненія, въ особенности стихи, послѣ чего дѣвица Онисимова начала сама сочинять и диктовать стихи, № 1. 2. и пр. сочиня оныя свободно и легко. * Спасскій

земскій Исправникъ, желая удостовѣриться въ дарованіяхъ Онисимовой, и передавъ ей чрезъ священника, что онъ, съ двумя дворянами будетъ слушать ея сочиненія въ слѣдующее утро, просилъ къ тому времени описать въ стихахъ сельскую жатву.— На другой день она привѣтствовала Исправника и пришедшихъ съ нимъ дворянъ, стихами. (№ 6:).

»Прилагая сіи стихотворенія и находя, что они въ самомъ дѣлѣ заслуживаютъ вниманіе, особенно по злощастному и необыкновенному положенію сочинительницы, я счелъ долгомъ сообщить оныя Вашему Высокопревосходительству, какъ просвѣщенному, постоянно-ревностному любителю отечественной словесности и покровителю талантовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и какъ достойному Предсѣдателю Академіи, коей я имѣю честь быть Членомъ, хотя обстоятельства и не дозволяютъ мнѣ участвовать въ трудахъ ея.«

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Высокопревосходительства,

покорѣйшій слуга

Д. Блудовъ.

Г. Президентъ предложилъ на разсмотрѣніе Академіи Стихотворенія Онисимовой, и о состоявшемся въ 8 день Января положеніи оной, увѣдомилъ Г-на Министра Внутреннихъ дѣлъ слѣдующимъ письмомъ отъ 12 того же мѣсяца.

Милостивый Государь

Дмитрій Николаевичъ.

»Я имѣлъ честь получить письмо Вашего Превосходительства съ приложенными при ономъ стихами, дочери пономаря, двадцати-девятилѣтней дѣвицы, лишившейся зрѣнія на пятомъ году отъ своего рожденія. Стихи сіи отдалъ я въ Россійскую Академію, которая съ удовольствіемъ ихъ прослушала, и какъ по великодушному попеченію Вашему о нуждающихся и бѣдныхъ, такъ и по соревнованію съ Вами ободрять возникающіе таланты и словесность, положила: 1) Дать дѣвицѣ сей сто рублей денегъ; 2) послать къ ней изъ книгъ: Часы Благоговѣнія, Россійскую исторію покойнаго Карамзина, писателя, посвятившаго жизнь свою просвѣщенію и добродѣтели; также и нѣкоторыя дру-

гія книги; 3) напечатать особливо книжкою стихи ея въ числѣ трехъ или четырехъ сотъ экземпляровъ, съ Вашимъ письмомъ и съ моимъ о рѣшеніи Академіи отвѣтомъ; 4) все сіе, съ согласія Вашего, препроводить къ Вамъ, для доставленія вышеозначенной дѣвицы, прося Васъ покорно часть экземпляровъ отослать къ ней, а другую раздать здѣсь, кому заблагоразсудите. «

Съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ имѣю
честь быть,

Вашего Превосходительства

покорившій слуга

Александръ Шичковъ.

СТИХИ

ДѢВИЦЫ ОНИСИМОВОЙ.

С Т И Х И

Давидовича Олександровича

НОЧЬ ПРИ ШУМЕ ВЕТРА.

Шуми, шуми о вѣтеръ бурный,
Надъ кровлей сельской завывай,
Товарищъ будь печальной думы,
И томны мысли оживляй.

Все спать, и ночь даетъ свободу
Тебѣ внимать, о бурный вѣтръ!
Шуми, напоминай природу:
Мнѣ зрѣть ее — надежды нѣтъ!

Судьба, во мракѣ долгой ночи,
Ее сокрыла отъ меня:
На вѣки омрачила очи,
Во тьмѣ судила жить стена.

Шуми, взывай между древами,
 Зеленымъ листомъ трепещи;
 Бушуй ужаснѣе водами,
 Волнами на берегъ плещи.

Во тьмѣ живущей, чуждой свѣта,
 Пустынницѣ въ кругу людей,
 Шумя, яви картину лѣта,
 Напомни о природѣ всей:

Напомни шумъ ручьевъ сребристыхъ,
 Бѣгущихъ быстро по песку,
 И зелень Мая, дровъ вѣтвистыхъ,
 Луга цветущіе, — рѣку.

Напомни жизни мигъ безцѣнный,
 Разсвѣтъ моихъ весеннихъ дней,
 Сія минуты незабвенны
 Живѣй представь душѣ моей:

Траву, цвѣты, долины, горы,
 Ручьи прозрачныя, лѣса,
 Уже мои не встрѣтятъ взоры,
 Мнѣ такъ судили небеса.

На вѣки для меня несчастной
 Померкли солнце и луна,
 Уже мнѣ не зрѣть весны прекрасной,
 Она цвѣтеть не для меня.

И нивы класами златыми
 Не могутъ радовать меня,
 И рощи, вѣтвями густыми,
 Не манятъ вѣтѣнь при зноѣ дня.

Съ тобой однимъ, товарищъ милый,
 Я чувство горести дѣлю;
 Клонясь при жизни въ мракъ могилы,
 Въ тебѣ одномъ природу зрю.

Представь мнѣ поле со цвѣтами,
 Покрыто зеленью молодой,
 Гдѣ дѣти собрались кружками,
 Рѣзвиться вѣшнею порой.

Представь мнѣ лѣсъ густой, тѣнистой,
 Въ струяхъ видѣ сельской повтори,
 Воды источникъ тихой, чистой,
 Въ разливъ вечернія зарн.

Увы! и мнѣ покрытой тьмою,
 Природа радостно цвѣла,
 Весеннихъ дней моихъ порою;
 Потому на вѣкъ все отняла.

Ищу представить въ мысли томной
 Луну и звѣзды въ небесахъ;
 Но все въ дали сокрылось черной,
 Давно мелькнувшее въ глазахъ.

Лишь ты всю вѣрность сохраняя,
 Възвѣчаньемъ сладость въ сердце льешь,
 Шумишь, шумишь, не умолкая,
 И жизнь мнѣ чувствовать даешь.

2
II.

НА СМЕРТЬ ДРУГА.

Спокойно я мечтала,
Какъ жизнь ведутъ друзья?
И способовъ искала,
О нихъ услышать я.

Пронесся слухъ ужасной,
О томъ, кто сердцу миль,
Болѣзнию опасной
Сражень, лишился силъ.

Извѣстiе такое
Принудило вздохнуть;
Лишивъ меня покоя,
Мою пронзило грудь.

Съ тѣхъ поръ душа томилась
Жестокою тоской,
Всечасно я страшилась
Минуты роковой.

Разъ девять восходили
И солнце и луна,
Равно на сердце были
Тоска и мысль одна.

Вотъ снова полосою,
Златить востокъ заря,
Вотъ солнце съ красотою
Взошло, въ лучахъ горя.

Все радость изъясляетъ,
А мой мятется духъ,
И сердце предвѣщаетъ
Какой-то страшный слухъ:

Чего мой духъ страшится?
 Я думала тогда:
 Иль хочетъ совершиться,
 Внезапная бѣда?

Вотъ колоколь раздался
 Уныло по рѣкѣ,
 Гулъ въ рошѣ отозвался,
 И замеръ вдалекѣ.

Я вздрогнула отъ звука,
 Въ ту сторону склонясь,
 Откуда съ звономъ скука
 Мгновенно принеслась.

Тѣжъ звуки повторялись
 Печально въ тишинѣ,
 Мученьемъ наполнялись
 Мечты, какъ въ смутномъ снѣ,

И сердце вдругъ забилось,
 Хладъ въ жилахъ разлился,
 И грудь моя стѣснилась,
 И духъ мой занялся.

Исторгшись капли слезны,
 Вдругъ хлынули рѣкой:
 Жизнь кончилъ другъ любезный!
 Сказала я съ тоской.

Ужъ сердце не обманетъ,
 Вотъ вѣстникъ — томный звонъ,
 Другъ спитъ, и въ вѣкъ не встанетъ;
 Разстался съ свѣтомъ онъ! —

Предчувствіе свершилось,
 И друга въ мірѣ нѣтъ;
 Сбылось, чего страшилась,
 Онъ больше не живетъ.

Къ нему лечу душою,
Холодный прахъ лобзать,
Почтить его слезою,
Последній долгъ отдать.

Безмолвную могилу,
Быть можетъ, посѣщу;
И течь слезамъ дамъ силу;
Но друга не сыщу!

Завоетъ вѣтръ унылый,
На мѣсто ласкъ твоихъ;
Не встанешь изъ могилы,
Твой сонъ глубокъ и тихъ.

Вотъ, вотъ, — промчится время,
Вѣсть смерти зазвучитъ;
Оставлю жизни бремя,
Усну, какъ другъ мой спитъ.

III.

КЪ КОЛЫБЕЛЬНОМУ МЛАДЕНЦУ.

Спи, не плачь, дитя любезной,
Не о чемъ тебѣ тужить;
Ты не знаешь жизни слезной,
Ты спокоенъ долженъ быть:

Горя ты еще не знаешь,
И не чувствуешь заботъ;
Что же слезы проливаешь,
Не вкусивъ несчастья плодъ?

Не таковъ удѣлъ мой бѣдной,
Горе грудь мою гнететъ,
И разсудокъ утомленный
Засыпаетъ въ шумъ бѣдъ.

IV.

НА РОЖДЕНИЕ МАЛОТКИ.

Вѣтеръ! смолкни для меня,
Прекрати въ стѣнахъ свой стонъ;
Въ тишинѣ, съ разсвѣтомъ дня,
Дай обдумать чудный сонъ.

Мнѣ привидѣлося нынѣ,
Что-то странное во снѣ:
Въ темной рошѣ, на срединѣ,
Садъ зеленый на холмѣ.

И подъ яблонью густою,
Что кудрявѣй всѣхъ была,
Съ неописанной красою,
Ночью роза разцвѣла.

Будто странникъ запоздалой
Въ этой рошѣ почеваль;
Видѣлъ онъ цвѣтъ розы алой,
Какъ чудесно разцвѣталъ.

»Въ часъ полуночи глубокой,
»Вскрикнулъ громко соловей:
Такъ мой путникъ одинокой,
Мнѣ рассказывалъ о ней:

»Я подъ липою вѣтвистой,
»Близъ холма усталый спалъ;
»Шёпнуть громкой, голосистой,
»Соловей мой сонъ прервалъ.

»Я проснулся, ощущаю
»Благовоніе луговъ;
»Взоръ открылъ, и чтожъ встрѣчаю?
»Розу! прелесть всѣхъ цвѣтовъ.

»Запахъ нѣжный, ароматный,
 »Вѣтерокъ мнѣ доносилъ;
 »Манить взоры видъ пріятный,
 »Къ розѣ взоръ я обратилъ.

»И клянусь, отъ колыбели,
 »Ей подобной не видалъ;
 »Роemъ мотыльки летѣли;
 »Къ розѣ всякъ прильнуть желалъ.

»Садъ зеленый наполняли,
 »Пестры бабочки одни;
 »Пѣвемъ рошу оглашали
 »Молодые соловьи.

»Чтоже скажетъ сонъ прелестной?
 »Сердце можетъ отгадать;
 »Сердцу тайны всѣ известны;
 »Буду радости я ждать!

»Но, откуда, я мечтала,
 »Мнѣ дойдетъ пріятный слухъ?
 »Сердце думы окрыляло,
 »Ободряя смутный духъ.«

Вотъ день къ вечеру склонился,
 Вѣсть пришла мнѣ отъ друзей;
 Сонъ чудесный объявился —
 Прямо, къ радости моей;

Въ рощахъ темныхъ и унылыхъ,
 Садъ зеленый на холмѣ:
 То семейство сердцу милыхъ,
 Въ отдаленной сторонѣ.

А что роза, среди сада,
 Разцвѣла чудесно въ ночь:
 Родилась Олимпиада,
 Къ общей радости имъ дочь.

Путникъ вѣстника являетъ,
 Радость — голосъ соловья,
 Сонъ въ малюткѣ общаетъ
 Много разумью я.

Запахъ пѣжнѣй, ароматный,
 Съ розы развѣвалъ Зефиръ:
 Разнесетъ слухъ пріятный, —
 Правъ ея похвалитъ мѣръ.

Привлекалъ цвѣтокъ красою,
 Испешренныхъ мотыльковъ:
 — Такъ взростя, плѣнитъ собою
 Много знатныхъ жениховъ.

Пожелаетъ всякъ при взглядѣ,
 Чтобъ прелестной обладать,
 Сердце въ даръ Олимпіадѣ,
 Съ удовольствіемъ отдать.

Поколеблетъ вмѣсто пѣнѣя,
 Радость искреннихъ сердца;
 Въ ней возвыситъ Провидѣнье
 Славу матери, отца.

V.

къ увядшему цвѣтку.

Я въ весенній вечерочикъ,
Посѣщала струйный токъ,
И въ долину, гдѣ лѣсочикъ,
Мнѣ понравился цвѣтокъ.

Алый, нежный распускался,
Въ роцѣ липовой, густой,
Предъ другими отличался,
Особливой красотой.

Свѣжей окропленъ росой,
Нежнымъ запахомъ дышалъ,
И долину всю собою,
Мнѣ казалось, украшалъ.

Свистъ въ глуши пѣвцовъ крылатыхъ
Прилеталъ издалека;
Средь даровъ весны богатыхъ —
Ихъ дивить краса цвѣтка.

Лѣсъ, лучами освѣщенный
Догарающей зари,
Духъ мой почиталъ прельщенный —
Мѣстомъ радости, любви.

Вешнихъ прелестей картина,
Рисовалась тамъ вполне;
Красилась цвѣткомъ долина,
Имъ ручей игралъ въ волнѣ.

Встала буря, и грозою,
Съ корнемъ вырвала цвѣтокъ,
Онъ склонился межъ травою,
Блѣденъ, сухъ, и весь поблекъ. —

О цвѣтокъ, столь намъ пріятный,
 Вѣрить ли, что это ты?
 Твой исчезъ духъ ароматный,
 Истребились красоты!

Еще все цвѣтеть весною,
 Встрѣтила тебя зима;
 Ты увяль, и я съ тоскою,
 Съ той поры томлюсь сама.

Мнѣ сталъ мраченъ лѣсъ любимый,
 Ручеекъ журчитъ печаль,
 Видѣть не хочу долины,
 Безъ цвѣтка его мнѣ жаль!

Соловья унылы трели,
 Ихъ услышать мнѣ тоска:
 Опъ свиститъ, что запустѣли
 Тамъ долины безъ цвѣтка.

Свистомъ сердце мнѣ пронзаеть,
 Но не можетъ усладить,
 И невольно заставляетъ —
 По цвѣточкѣ слезы лить.

VI.

ПРИВѢТСТВІЕ,

*говоренное двѣцєю Опасиловою
къ ней слушателямъ.*

Еще рѣзвась у колыбели,
Въ счастливый дней моихъ разсвѣтъ,
Я зрѣла: тучи налетѣли,
Покрылась жизнь туманомъ бѣдъ.
Надъ кровлей сельской, одинокой,
Громъ грянулъ надъ моей главой,
И въ безднѣ горести глубокой,
Исчезъ на вѣки мой покой.

И я жила среди народа,
Въ изнеможеннѣ чувствъ и силъ,
Меня чуждалася природа,
Но Вышній жизнь мою хранилъ.

Хранить Онъ щедрою рукою;
О благодѣнье Вышняго Творца!
Моглабъ ласкать себя мечтою,
Чтобъ въ сиротствѣ найти отца?

Во тьмѣ незнанья пребывала,
За тучей бѣдствія стена,
Но состраданье возсіяло
Сквозь мракъ, сквозъ тучу—на меня.

И я, ничтожный прахъ предъ вами,
Любовь родительскую зрю;
Глубокихъ чувствъ, души слезами,
За милость васъ благодарю.

VIII.

Стихи, говоренные на заданный предметъ:
описать сельскую жатву.

Позлащаетъ лѣто нивы,
Августъ радуеть жнецовъ,
Поселянинъ не лѣнивый,
Съ нетерпѣньемъ ждетъ плодovъ.

Закричитъ тогда съ восторгомъ:
Что, готовыли серны?
Время въ поле, завтра съ Богомъ,
Въ доброй часъ, вязать снопы.

Лишь съ востока развернулась,
Чуть румяная заря,
Изъ деревни потинулась
Вереница на поля.

Жнутъ усердными руками,
Черны тучи страшны намъ,
Солнце жъ яркими лучами,
Въ радость — полевымъ трудамъ.

Заскрьпять съ полдень тельги,
Вмигъ кладушки на гумнѣ;
Кто возросъ на лонѣ нѣги,
Тотъ не чувствуетъ вполнѣ—

Какъ усталому пріятно,
Зрѣть награду и покой; —
Поселянину понятно:
Онъ въ восторгъ самъ не свой.

Онъ небрежно отираетъ,
Потъ трудовъ и пыль съ лица,
И съ весельемъ запѣваетъ
Пѣсню сельскаго жнеца.

Звуки пѣсни пронесутся,
 Старецъ, гроба на краю,
 Слышитъ ихъ, и слезы льются;
 Вспомнилъ молодость свою! —

Вотъ вечерняя прохлада
 Окропляетъ доль росой;
 Пыль взвивается отъ стада,
 Слышенъ отзывъ роговой:

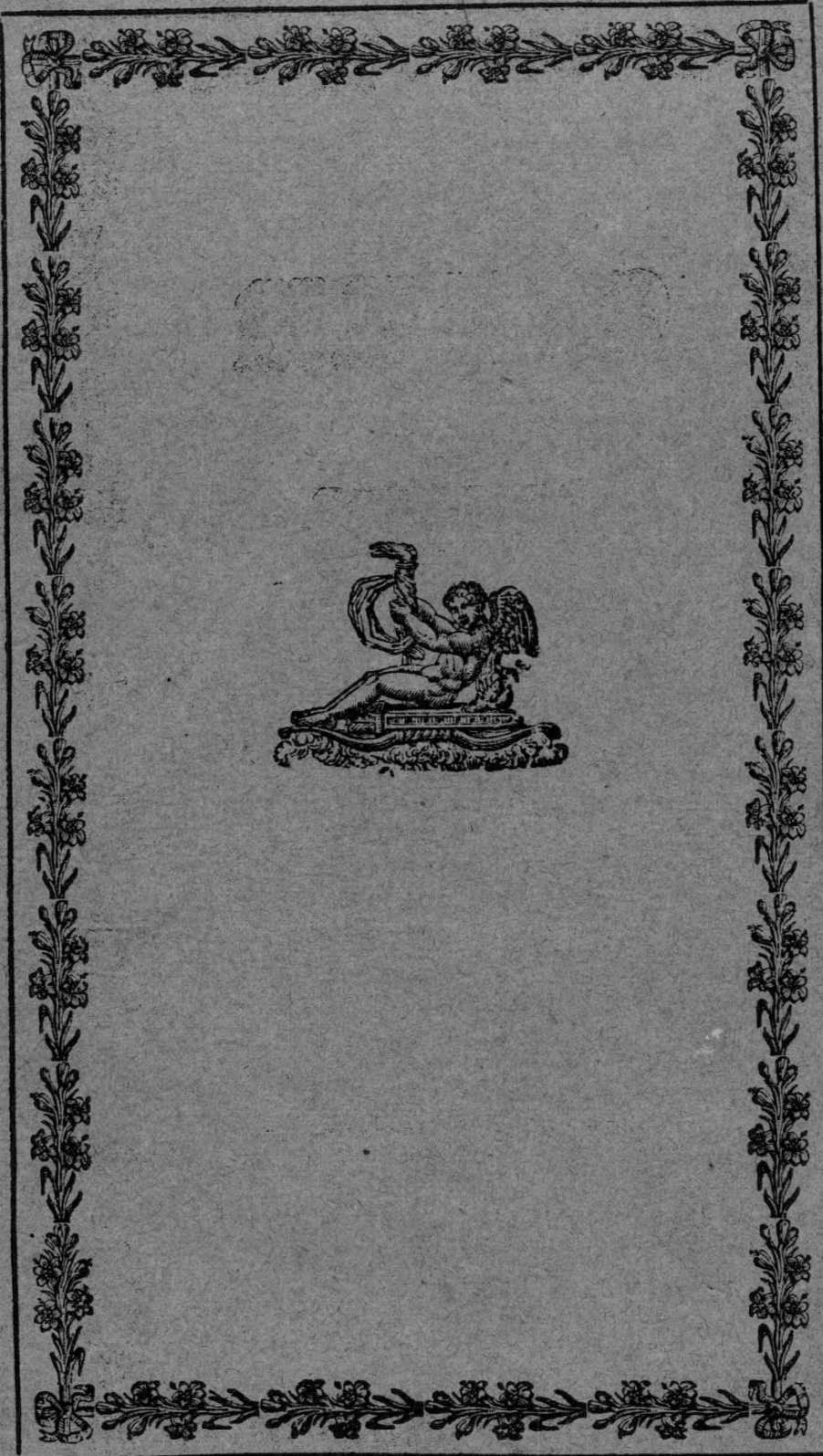
То замолкнетъ за холмами,
 То раздастся въ шумъ стады;
 Вмѣстѣ жъ съ стадомъ, съ пастухами,
 И жнецы съ полей спѣшать.

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ.

	стр.
I. Ночь при шумѣ вѣтра.....	1.
II. На смерть друга.....	5.
III. Къ колыбельному младенцу.....	10.
IV. На рожденіе малышки.....	11.
V. Къ увядшему цвѣтку.....	18.
VI. Привѣтствіе, говоренное дѣвицею Описимовою прибывшимъ къ ней слушателямъ.....	22.
VII. Стихи, говоренные на заданный предметъ: опи- сать сельскую жатву.....	24.

8197
/ 2618
1881.